

Юлиана Алексеенко

11 миллисекунд

Юлиана Алексеенко

11 миллисекунд

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Алексееенко Ю. С.

11 миллисекунд / Ю. С. Алексееенко — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

У Акеи, живущей в ослепляющем красотой краю цветов и цветочных кристаллов, не вышло вести размеренную, как у всех, жизнь. Сначала она стала привлекать внимание своим необычным внешним видом, потом познакомилась с таинственным чужаком, умеющим управлять гравитацией. Когда в городе случилось неслыханное – пропали священные книги Талиостии, Акея оказалась в центре удивительных событий. Она узнала, что живет лишь в одном из многих пространстве-времени и имеет редкую возможность путешествовать в другие. Вместе с иноземным другом, заставившим Акею за короткое время повзрослеть от переживаний, она решила спасти талиостийцев от грозящего им рабства.

© Алексееенко Ю. С., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
1	8
2	10
3	12
4	14
5	17
6	19
7	22
8	24
9	28
10	29
11	32
Часть вторая	34
1	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

11 миллисекунд

Пролог

Акея стала заметно отличаться от остальных уже лет с четырнадцати. Тогда один за другим соседи стали говорить Зоодру и его жене Зане, что с девочкой что-то странное происходит. В то время как другие дети, подрастая, становились все более радужными, как и подобает всем детям Правого берега Талиоста, Акея впитывала почти только желтые и оранжевые оттенки. Лишь кое-где – на правой стороне лба, на правой руке вдоль внешней стороны предплечья, на ногах закреплялись такие же цвета, как у членов ее семьи и всех жителей побережья. Яркие оранжевые пятна явно проступали на лице и почти на всей левой верхней части тела. И что уж совсем было странно, ее густые волосы, вместо того, чтобы темнеть, тоже становились все более рыжими.

Поначалу ни отец, ни мать вообще не обращали на это внимания. Только младшие братья иногда, играя и дергая сестру за волосы, спрашивали, отчего они у нее такие странные. Сама Акея долго не задумывалась почему. Пока однажды, работая в цветнике, не услышала от Исиды такие слова:

– Акея, ты не должна все время возиться с красной мохнаткой, – сказала ей женщина. – Посмотри, это у тебя от нее пятна и волосы краснеют. Что в ней толку, известно же, что кристаллы из нее получаются мелкие.

Акея улыбнулась. Она вспомнила, как часто в последнее время опускает руки в янтарно-красную жидкость с мохнаткой, потом разжимает пальцы, наблюдая как оранжевые струи медленно разливаются по ладоням и ускользают между пальцев.

– Думаешь? – спросила она. – Не знаю, другим же ничего не бывает? Мохнатка самая красивая.

– Про других не знаю, но у тебя точно от нее. И рука-то, смотри – левая. Если так дальше пойдет, ты скоро вся будешь словно огненная.

Акея подняла обе ладони. Действительно, оранжевой становилась больше левая рука.

– Может, ты и права, но мне нравится, – хихикнула она, а Исида покачала головой.

– Нельзя так, – строго сказала женщина. – Видела ты кого-то на Правом берегу, кто не был бы радужным? Не крутись возле мохнатки, мой тебе совет. Кому-то ничего, а у тебя уже волосы вон какие. Надо со всеми цветами работать, везде поспевать.

Акея кивнула, но только по привычке, потому что Исиду слушались все и всегда. Девочка и не подумала о том, чтобы оставить работу с любимой мохнаткой, цвет которой завораживал ее с самого раннего детства.

И в последующие дни, даже делая другую работу, она успевала собрать цветки красной мохнатки, вдохнуть их густой аромат, подготовить часть цветков для выпаривания, а иногда даже прятала несколько самых лучших бутонов себе в карман, чтобы отнести домой. Когда эликсир из мохнатки соединяли с эликсирами из других цветов – таких же безнадежных, по мнению талиостийцев, чтобы выращивать из них чистые кристаллы, Акея всегда немножко страдала. Но так нужно было для дела – при соединении с эликсирами таких сильнейших цветов, как лиловый опунтр или голубой оцедр, можно было использовать мохнатку во благо – чем-то там она была особенно полезна, когда становилась почти незаметной прослойкой в готовых гигантских смешанных кристаллах.

Иногда Акея жаловалась дома родителям и старшим братьям, что мохнатку незаслуженно портят, а они смеялись, мол, странная девочка у нас – что может быть красивее крупных разноцветных или переливчатых кристаллов? Кристаллов, которые изобрели предки талиостийцев 2 тысячелетия назад, за которыми, если верить легендам, когда-то охотился даже народ Левого берега, хоть это было дело опасное, и говорят, немало охотников погибло в бурных водах Талиоста. Эти кристаллы, да простит талиостицев небо за эту уверенность, были краси-

вее всего за этой прекрасной земле, они впитывали красоту и энергию цветов, приумножая ее многократно, они были словно соединение цветов и самого неба, отражающего свет и весь мир.

Они успокаивали своим видом всех и каждого, они лечили недуги, именно поэтому жители Правого берега были народом очень миролюбивым, спокойным, здоровым и счастливым. Свет кристаллов обладал магией, которую невозможно было найти где-то еще, с которой невозможно было сравниться, и об этом писали еще прапрапрапрародители Акеи – род ее был ученым, почти все его члены не просто выращивали кристаллы, но много изучали их свойства и принимали участие в описании их в трех самых важных в Талиости книги.

Акея мечтала когда-нибудь прочесть все эти книги, чтобы найти, что в них есть интересного про мохнатку. Она всегда считала, что мохнатка заслуживает к себе более уважительного отношения и того, чтобы делать из нее чистые кристаллы. О, как бы ей хотелось иметь такой хотя бы один!

– Детка, ты юна, – шутя, говорил отец, и все посмеивались, глядя, как Акея недовольно морщила лоб. – В твоей голове сейчас совершенно особенные мысли – но они потому такие, что таков твой возраст. Как частицы молодого кристалла, который вот-вот начал схватываться в маленький узелок, а энергия уже уверяет его, что он способен выдержать на себе целый мост!

Акея бросала на отца недовольный взгляд, потом все расходились по своим делам, а девочка мечтательно смотрела в окно на склоны. Она иногда доставала из-за шторы на подоконнике баночку с мелкими осколками кристаллов из мохнатки, которые однажды сумела собрать в одном из старых чанов в кладовой в Зале кристаллизации. Они были просто крошечными, но Акея ухищрялась смотреть сквозь них на вечернее солнце, и что-то происходило с ней настолько счастливое, что она никогда не сумела бы описать. Как бы красивы не были любые цветные кристаллы, для Акеи даже эти осколки были самыми лучшими. И она просто смотрела, смотрела, погружалась в огненно-оранжевый мир, и словно не было ее в эти минуты в Талиости, и была она вне времени, вне пространства, во всем существующем и несуществующем, для которого не создано подходящих слов и для которого они просто не нужны.

Часть первая

Акея

1

Земля Талиостия бесконечно расстилалась по склону Правого берега одноименной бурной реки. Пеший путь от побережья до вершин гигантских гор занимал полдня, и только самый быстрый и выносливый, выходя из низовья на рассвете, достигал горы Саави за 6-7 часов.

Ущелье реки образовалось здесь около 12 тысяч лет назад, и было обычным красивым зеленым ущельем. Но после главного изобретения талиостийцев – цветочных кристаллов – и связанного с ним расцвета этой земли, что произошел около 1500 лет назад, Талиостия стала сильно меняться.

Главное дело, которым занимались все, – это выращивание кристаллов и строительство из них дорог, укреплений, всевозможных арок и мостов. Если некоторые талиостийцы готовили пищу, учили детей или врачевали, то словно просто потому, что имели к этому некоторые способности, а сытые, образованные и здоровые талиостийцы нужны были для выращивания кристаллов и строительства мостов. Таким образом, никто не говорил с гордостью – «я повар» или «я учитель», все знали, что, в первую очередь, выращивают кристаллы, и обладают и другими, ценными для народа навыками, как, например, готовка патоки или хлеба, как врачевание ран или строительство. И, конечно, все знали, как выращивать цветы, как собирать с них росу, как выбирать главный день, когда цветок должен быть срезан, как суметь собрать лепестки и пыльцу, как правильно рассортировать все по корзинам, как готовить эликсир и т.д.

Сама кристаллизация, которая проходила только в одном месте – на Белом Холме, была трудом самых почтенных и опытных талиостийцев, так называемых давинов, которые составляли идеально точные пропорции, добивались нужной температуры, направляли свет линз и следили за образованием кристаллов под действием солнечных лучей, попадающих через Зеркальный купол и преломляющихся в линзах. Зрелище это было наикрасивейшим в Талиостии, на него иногда разрешалось смотреть детям и подросткам через прозрачные стенки Зала кристаллизации. И этот труд был нелегким, и даже опасным – потому что энергия концентрированных солнечных лучей, направленная под неправильным углом, могла вызвать взрыв. Поэтому к такой работе допускались только самые-самые.

Действующих давинов было трое, не считая самого старого – Антала, который теперь служил советником правительницы, и в Зале не работал, но порой давал советы, если что-то шло не так, не хватало мощи солнечного света или кристаллы получались неправильных оттенков и прочности. Один из существующих давинов – Маадал приходился Акее двоюродным дедом. Это было очень почетно – состоять в родстве с давином, даже если родство было очень дальним. Поэтому Акея и ее старшие братья очень старались работать на Белом Холме хорошо – положение обязывало.

Особенно трудолюбив и старателен был старший брат Акеи Сааф. Ему было уже 20, он был очень крепким и выносливым, немногословным и терпеливым юношей, который мог работать до самой поздней ночи, помогая разносить бутоны или эликсиры по местам, собирать корзины или доделывать любую работу, какая не была закончена кем-то другим вовремя. Сааф был уже полностью разноцветным, как все взрослые, его смуглая от природы с крупными порами кожа впитала перламутр кристаллов очень глубоко, но он не был слишком ярким, напротив – переливы на нем были темных бархатных оттенков, что выделяло его из всех молодых талиостийцев. Не стоит и говорить, что на него засматривались все девушки.

Его младший брат Парсан был мало похож на Саафа – скорее на тоненькую Акею. Он был робким, несколько медлительным, но старался изо всех сил, чтобы не отставать от брата и демонстрировать честь родства с Маадалом. Втайне он очень мечтал однажды стать давином, но с горечью понимал, что если кто-то еще из их семьи и сможет претендовать на место Маадала, то только Сааф. Самые младшие братья – семилетний Раа и шестилетние Асту и Маир, конечно, еще не допускались к серьезной работе и их способности пока оставались вне поля зрения. И они, кстати, только-только начинали менять бежевый цвет кожи, так что пока отличались от всей семьи.

Все, абсолютно все талиостийцы имели радужную кожу. Но оттенки их немного отличались в зависимости от того, в какой части они проживали, потому что везде росли разные цветы. Например, семья Акеи жила близко к берегу, и их главными цветами были сиреневый, желтый, бирюзовый и светло-зеленый. Те, кто жил близко к вершинам имели сине-зелено-лимонные оттенки, кто в самом низовье – красные, фиолетовые, малиновые и золотистые. Поэтому талиостицы легко определяли, откуда их собеседник.

Конечно, радужная кожа не была слишком яркой. Светлые легкие оттенки словно слегка просвечивали сквозь кожу, и были будто припудрены едва заметным перламутром, цвета всегда симметрично располагались на теле, создавая гармоничный, правильный рисунок. Цвет волос у талиостийцев всегда был темный, и варьировался только от темно-русых до каштановых, почти черных. И как не было на этой земле ни одного блондина – не считая седовласых стариков, так не было и кого-нибудь с цветными волосами, так что можно представить, как выделялась среди всех Акея. И особенно заметной она стала после пятнадцатой весны своей жизни.

2

Акея не заботилась о своей необычной внешности, но не потому, что ей было все равно, как она выглядит. Просто в глубине души для нее это было естественно – не походить на остальных. И не было в этом никакой гордыни или радости. Просто было такое чувство – что это нормально. Словно кто-то шепнул ей об этом на ушко при рождении, и теперь детали забылись, а спокойная уверенность осталась. И хоть Акея никогда не метила на место дяди, не особенно интересовалась наукой, занималась простой сортировкой цветов, она чувствовала, что ее роль на этой земле очень важна.

История знала многих талиостиек, чьи дела принесли много пользы, а имена даже остались на страницах трех великих книг. Одна из них – Анселатта прославилась навсегда, когда изобрела способ самого прочного склеивания кристаллов, при котором мосты стало возможным строить без предварительной установки поддерживающего каркаса, просто составляя кристаллы в воздухе один на другой в определенном порядке.

Но примерно 400-500 лет назад население Талиостии стало расти все больше, женщины стали больше времени проводить, рожая и воспитывая детей, они становились нежнее, слабее, а для работы с кристаллами всегда нужна была сила, терпение и выносливость. Поэтому одну и ту же работу женщины стали выполнять дольше прежнего, и уже никто не полагал, что давином может стать талиостийка.

И Сааф, и Парсан, и Акея были действительно славными работниками, Маадал мог ими гордиться. Но давинам обычно не до мелочей, и своих внучатых племянников он не часто замечал. Впрочем, много о своем труде не думали и сами братья и сестра – они просто трудились и наслаждались этим. Их родители всю жизнь занимались выращиванием цветов, и хоть эта работа по-своему была прекрасна, для детей Зоодра и Заны работа там, где совершается главное дело Талиостии, была просто воплощенной мечтой. Здесь все бурлило, двигалось, дышало, здесь рука об руку трудились и селекционеры, и сборщики, и сортировщики, и изготовители эликсиров; здесь рядом были и научные эксперименты, и простая рутинная работа, ну и, конечно, что важно было для молодых, здесь можно было часто наблюдать через стекло ход самой таинственной работы – кристаллизации.

И ежедневно наполняясь магией этого места, каждый мечтал, что однажды сможет увидеть процесс рождения кристаллов вблизи.

– Как это происходит? Вот прям был эликсир, а потом раз – и превратился в кристалл? – не раз спрашивала Акея Исиду, когда только начала помогать здесь с работой. Ответ она знала, но так хотела послушать снова удивительный рассказ из уст доброй Исиды.

Женщина улыбалась и, глядя девочку по голове, отвечала:

– Нет, не совсем. Сначала эликсир нагревается, начинает кипеть, и постепенно по краям чаши словно песок образуются кристаллы. Эликсира становится все меньше и меньше, а кристаллов все больше и больше, потом давин добавляет к ним особые жидкости и мелкие кристаллы соединяются в крупные крепкие. Они начинают сиять так ярко, что в этот момент давины спускают на глаза затемняющую повязку, чтобы побережь глаза. И в этом ярком переливающимся свете становятся слышны слабые звенящие звуки – так поют новорожденные кристаллы. Потом голоса их крепнут, соединяются в единый божественный звук, который поднимается к небесам и словно просится на свободу, вслед за светом. Тогда давины обливают кристаллы ледяной водой Талиоста, чтобы их дух и вся их сила не вышла из них, а осталась внутри и послужила на благо всем нам.

– А что же, если они хотят на волю? Почему мы не можем отпустить их дух погулять? – спрашивала девочка, и Исида в ответ смеялась.

– Такова их природа, – говорила она. – Назад дух кристалла не вернешь, а кристалл без него – только красивая стекляшка. Такой не выдержит ни крепкого удара, ни отразит необыкновенной красотой солнечный свет, и уж конечно не будет пригоден для строительства мостов.

– А зачем нам столько мостов? – спрашивала Акея. Этот вопрос она задавала с детства всем – и родителям, и братьям, и тоже хорошо знала на него ответ. Но Исида и тут терпеливо отвечала.

– Акея, ты разве не понимаешь, зачем талиостийцы стремятся попасть на Левый берег? Это не чья-то прихоть, так написано еще в Первой книге Талиости. Где-то там живут подобные нам народы, там земли просторнее и шире, там, согласно книгам, процветает наука, и было бы глупо сидеть вечно на Правом берегу, не узнав, какие возможности может подарить путешествие на Левый берег. Ведь мы же братья и сестры, разлученные природой однажды, мы не можем узнать себя, пока не узнаем тех, кто остался по другую сторону Талиоста.

– Да кто точно знает, есть ли там другие талиостийцы?

– Так говорит Первая Книга, и тебе следовало бы верить ей, девочка, – чуть строго говорила Исида. – Твои предки знали это, твои прадеды старались работать, чтобы построить главный мост, деды твои продолжали их дело, и так будет, пока главный мост не будет построен.

Акея выдохнула, пожав плечами, а Исида продолжила.

– А знаешь ли ты, сколько новых цветов там может быть? Ты только представь – мы используем лишь сто семнадцать видов, а там может быть еще столько же других!

– А зачем нам тогда новые, если мост будет построен? Нам же потом уже строить нечего будет, – спросила Акея.

– Ох, ну и девчонка! – сердилась Исида. Акея смеялась, видя, что снова поставила своим вопросом Исиду в тупик.

3

Акея не просто так недоумевала, зачем в Талиостии строится огромное количество мостов. Дело в том, что вся эта земля, ограниченная бурной и бесконечно широкой рекой с одной стороны и высокими пиками с другой, была сплошь застроена домами, дорогами, арками и мостами. Вся Талиостия была засыпана ими, как драгоценными украшениями, и началось такое строительство около шестисот лет назад. Тогда, первые изобретатели кристаллов только учились сооружать прочные конструкции, и поначалу строили из кристаллов элементы домов – крыши, пропускающие свет, окна, колонны и прочее.

Спустя четыреста лет жители поняли, что если растить кристаллы из особых смесей разных эликсиров, те получают такими крепкими, что способны держать необыкновенную нагрузку! И так же держать нагрузку при строительстве соединений круглых форм.

Первый построенный таким образом мост стал знаменитой достопримечательностью Правого берега. Все жители приходили посмотреть на него, его показывали детям, рассказывая историю Талиостии. И хоть по сравнению с новыми мостами он выглядел довольно простовато, его все равно почитали больше всех остальных. Он ничего не соединял, как впрочем и большинство остальных, и был возведен на ровном участке, длина его диаметра была равна примерно четырем длинам жителя Талиостии (которые все были почти идеально равных ростов независимо от пола, поэтому рост брался за основу меры расстояний), он был из невзрачно матово-голубых кристаллов. Но его не просто почитали – его любили. Он стал символом прогресса жителей Правого берега.

И потом, чем больше совершенствовался процесс изготовления кристаллов, тем ярче и красивее они становились. Очень скоро талиостийцы поняли, что чем правильнее подобран состав эликсира, тем ярче и крепче рождаются кристаллы. Например, лиловый опунтр хорошо сочетался со всеми другими цветами, но если вместо него добавить белый опунтр – кристалл будет разрушаться уже через год. И тот же белый опунтр даст кристаллу превосходную крепость, если его соединить только с ростинией и мохнаткой. Правда кристалл будет розовым и непрозрачным, а этого талиостицы не любили. Такие кристаллы иногда продавали для мелких домашних нужд – там, где внешний вид был не особенно важен. Так же мало ценились любые одноцветные или двухцветные кристаллы, поскольку такие были еще и, как правило, недолговечными и не соединялись в очень крупные куски. Кристаллы же для строений дорог и мостов нужны были самые лучшие: крупные, крепкие, играющие разными цветами и словно приправленные лазурной дымкой небес, способные ночью отдавать накопленный за день свет, превращая Талиостию в бескрайний загадочный сверкающий мир.

В этом океане рукотворной красоты мосты занимали особенное место, ведь в их возведении талиостийцы оттачивали свое мастерство и занимались поиском идеальной конструкции, которая ляжет в основу главного моста. Много лет назад у талиостийцев родилась светлая мечта – построить мост через реку Талиост, ширина которой была настолько огромной, что измерить ее не мог никто, и только Вторая Книга сообщала, что ширина реки не менее 90 длин, а может и значительно больше. Глубина ее предположительно была равна от 10 длин в самых неглубоких местах, до 20 длин в местах образования небольших водопадов. Для талиостийца это были гигантские расстояния и глубины. В прежние времена находились смельчаки, которые верили, что смогут переплыть бурную реку, но ни один из них не достиг противоположного берега – кто-то утонул сразу, кого-то река унесла по течению вниз, и можно было только догадываться о том, как скоро река забирала жизни несчастных. Поэтому еще лет триста назад правительница Анта – бабушка нынешней правительницы Асфетеи – запретила талиостийцам повторять эти глупые попытки, которые неизбежно приводили к гибели не одного десятка смельчаков. И теперь все надежды были на мост.

Он должен был быть полуовальным. Слишком высокий полукруглый мост по расчетам строителей не выдержал бы и разрушился от тяжести, к тому же полукруг для такой широкой реки нужен был, по меньшей мере, в 45 длин, а это была бы слишком неудобная конструкция для использования. Но строить полуовальные мосты мастера тоже пока только учились, и самый длинный удавшийся мост был равен только двадцати двум длинам. Поэтому пока талиостийские мастера оттачивали технологии, Правый берег щедро покрывался мостами, без которых жители теперь не мыслили свою землю.

Позднее, когда мостов стало слишком много и талиостийцы стали сомневаться в том, насколько хороша идея плодить мосты, правители приняли решение завести из реки несколько каналов, которые прошли по земле, наполнив воздух приятной влагой и облегчив талиостийцам труд полива земельных угодий. Мосты ведь уже есть, рассудили они, так что вода на земле не станет помехой.

Многочисленные мосты из переливающихся всеми красками кристаллов покрывали многие до этого равнинные участки, эффектно отражаясь в воде. Красота этой земли была магнетической. В вечерние часы все жители оставляли свои дела, и просто любовались своим миром, лежа на траве, болтая свисающими с мостов ногами, покачиваясь в гамаках в своих садиках – это было время благостного созерцания красоты, которую создала природа и они сами.

Хоть талиостийцам очень хотелось узнать, кто и как живет на Левом берегу, им хотелось не меньше пригласить в свой мир кого-то извне, чтобы поделиться красотой, которую они смогли сотворить. И мост был такой важной частью в этом деле, что превратился в смысл существования жителей Правого берега.

4

Акея была девочкой одержимой микромиром. Она могла подолгу разглядывать цветки, изучая их строение, поднося их близко-близко к лицу и пытаясь проникнуть в их необыкновенную природу.

В один из дней, когда она вернулась домой, она заметила, что рядом с домом – там, где всегда росла только мохнатка, сквозь ее заросли тянутся к небу тонкие голубые цветочки. Акея подошла ближе, пригляделась – никогда еще за всю свою жизнь она не видела таких цветов. Они были чем-то похожи на голубые эпитупы, но эпитуп – цветок низкий, а эти были с такими длинными стеблями, да и цвет их был ярче, с легким фиолетовым оттенком. Акея аккуратно сорвала один цветок и поспешила в дом.

– Дедушка Гайи, – закричала она с порога. – Где ты? Посмотри-ка на этот цветок.

Дедушка не отозвался, и Акея, поискав его внутри, выбежала во внутренний дворик.

– Дедушка Гайи, ты здесь. Посмотри, что я нашла возле дома. Ты знаешь такой?

Акея присела на садовую скамью с высокой ажурной спинкой из красной древесины, где наслаждался вечерними лучами солнца ее стотридцатилетний дедушка. Вообще, он был ей прапрапрадедушкой, но в Талиостии – земле, на которой жили по сто пятьдесят и даже сто семьдесят лет, семьи были большими и все дедушки и бабушки, пра– и прапра– и прапрапрадедушки и прапрапрабабушки считались просто дедушками и бабушками, без особых различий.

– Я подумала, что это эпитуп, но он такой длинный, – сказала прапраправнучка Гайи, и он склонил голову, разглядывая находку в руках девочки. – Смотри, разве может это быть эпитуп?

Дедушка Гайи не спеша взял цветок, медленно покрутил в руках, понюхал и пожал плечами.

– Я думаю, что это эпитуп, – сказал он, и, усмехнувшись, добавил, – ибо что же это еще такое, раз выглядит, как длинный эпитуп.

– Вот именно, он же длинный, дедушка Гайи. Такие разве бывают?

– Где ты нашла его?

– У нас возле дома, в зарослях мохнатки.

– Ну пойдем, посмотрим, – рассудительно ответил дедушка и поднялся со скамьи. Дедушка Гайи еще недавно был очень крепким, и пять лет назад еще чинил деревянные кадки для цветов, но теперь его ноги болели, и он все меньше ходил, иногда не покидая стен дома много дней.

Девочка привела его к нужному месту. Дедушка Гайи нагнулся, чтобы лучше увидеть голубые цветочки среди них.

– Да, это интересно, – сказал он. – Они длинные и ярко-голубые. И как это я раньше их здесь не заметил?

Он наклонился и сорвал несколько цветков, потом позвал Акею в дом, чтобы полистать свой старый гербарий.

В их большом доме было три этажа и большое количество комнат, что было обыкновенным делом для талиостийской семьи. Если представить, что во многих семьях жили по 5-6 поколений, это, конечно, совсем не удивительно. Но так жили не все. Некоторые предпочитали строить маленькие дома рядом друг с другом, и тогда на одной небольшой территории жили все поколения одной семьи, но по отдельности, так что можно было в любой момент повидать своих прародителей или правнуков. При этом прапрабабушка иногда не сильно отличалась от бабушки – талиостийцы старели поздно и долго сохраняли внешнюю красоту, крепкое здоровье и активный ум. Они верили, что все это дает им сила цветов. В старости ни одна клеточка

их тела не оставалась без радужного перелива, и если молодые талиостийцы имели светлые полупрозрачные оттенки на коже, то старики – более глубокие, плотные.

Дедушка Гайи принес свой гербарий и удобно расположился в своем кресле, а Акея пристроилась на полу рядом. Из всех родственников дедушка Гайи был самым неспешным, но и самым терпеливым, он всегда внимательно выслушивал ее, когда она маленькой рассказывала свои небылицы или дневные приключения. Он всегда умел дать хороший совет, и Акее просто нравилось следить за дедушкиными глазами, за тем, как его взор, обращенный в глубину сокрытых в нем знаний, ведет поиски нужного ответа на вопрос. Акея была уверена – нужно только подождать и из бесконечной вселенной дедушкиного внутреннего мира скоро появится самая важная фраза, самая точная цифра или название.

И теперь она терпеливо ждала, пока дедушка пролистает свой гербарий до эпитупов, чтобы проверить, действительно ли бывают виды с такими длинными стеблями. Делать собственный гербарий любили многие талиостийцы, это было чем-то вроде распространенного хобби. Они высушивали лучшие цветки, делали записи о том когда, где, при какой погоде и в какой местности цветок был найден, описывали его особенности и даже свои чувства, испытанные при взгляде на него.

Но дедушка Гайи был не просто любитель делать гербарии – он был мастер в этом деле. Он доводил оформление каждой странички до уровня настоящего искусства. Он не только коллекционировал засушенные цветы, но и делал рисунки всех их частей, а затем и схемы соединений. Маленькой Акея и ее братья спрашивали дедушку, зачем он так подробно все это рисует, зачем выводит каждый завиток с такой точностью и так кропотливо доводит каждую страничку до совершенства, а он неизменно просто отвечал: «Это красиво!».

Наконец, неспешно, чтобы не повредить ни один листок толстеного альбома, дедушка Гайи дошел до эпитупов.

– Вот, вот, смотри, у тебя все с короткими стеблями! – воскликнула Акея. – Вот видишь? Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь – восемь цветков и все короткие!

– Подожди, подожди, Акея, дай мне минутку, – ответил дедушка, и задумчиво поглаживая бороду, стал читать свои записи.

В доме уже слышались голоса всех членов семьи, вернувшихся к ужину домой. В большой прихожей хохотали Раа, Асту и Маир, из-за приоткрытой двери большой столовой слышны были голоса мамы Заны и старших братьев.

– Акея, – позвал откуда-то голос бабушки Эфистры. – Ты где?

– Сейчас, иду, – крикнула Акея. Она не хотела выходить из комнаты, пока дедушка Гайи не даст точный ответ – бывают такие длинные эпитупы или нет.

– Стебель взрослого эпитупа достигает восьмой части длины, – медленно почел дедушка, – но чаще всего равен девятой части.

– Ну вот! – воскликнула Акея. – А цвет? Цвет?

– Цвет эпитупа чаще всего бледно-голубой, иногда с белыми пестрянками у самого основания лепестков, – медленно читал дедушка.

– Вот что я и говорю – это не эпитуп, это какой-то другой цветок.

– Акея, – звала бабушка Эфистра. – Мне нужна твоя помощь.

– Иду-у, – снова крикнула девочка в сторону коридора.

– Дедушка Гайи, ну как же мне понять? Что же это за цветок такой?

– Ты иди пока, раз тебя зовут, – рассудил дедушка, – а цветок я завтра отнесу Малафету, спрошу, отчего так выросли они. Может, и знает он.

Акея неохотно послушалась и пошла на зов бабушки, хотя будь ее воля, она бы прямо сейчас бежала к Малафету, что жил неподалеку. Он был ученый и занимался разработками новых, улучшенных формул эликсиров, чтобы выращивать длинные многогранные кристаллы.

За ужином, где, как обычно, присутствовали все шестнадцать членов семьи, живших в этом доме, Акея стала рассказывать про найденные ею цветы. Родственники удивились, пожали плечами, но, видимо, из-за усталости не слишком озаботились этим важным вопросом – почему в зарослях мохнатки выросли такие необычные эпитупы. Только старшие братья Акеи Сааф и Парсан проявили интерес и решили идти к Малафету вместе с сестрой и бабушкой Гайи рано утром, до начала работы.

5

– Гайи, ты должен был давно привести ее ко мне! Или лучше сразу к Ацтарсу напрямую! Ты разве не видишь, что с ней?! – воскликнул крепко сложенный, но уже седовласый Малафет, едва только ранние гости переступили порог его дома следующим утром. Он тут же подошел к Акее ближе, сначала пристально посмотрел в ее глаза, потом заглянул на макушку, провел по волосам, взял за обе руки и стал их поворачивать, внимательно разглядывая.

– Ты думаешь, что-то серьезное? – озадаченно спросил Гайи. – Сааф тоже был всяким – порой фиолетовел, порой зеленел, а потом выровнялся.

– Брось, друг мой, я видел Саафа в юности, и таким он никогда не был, – возразил Малафет, не отрывая взгляд от девушки, которая растерянно смотрела то на старших, то на братьев. – А ну-ка, войдите в дом.

И Малафет быстрым шагом направился из коридора вглубь дома. Озадаченный Гайи шел за ним, и словно оправдываясь, пытался приводить аргументы в защиту своей слепоты – ведь и правда, вдруг подумалось ему, почему это они не обращали внимания на то, как стремительно становится рыжей их девочка, в то время как к этому возрасту она уже должна была быть примерно как Парсан?

– Она часто возится с мохнаткой, – говорил Гайи, – так уж она любит этот цветок. И дома она его собирает, и букетики ставит. Раньше только руки немножко окрашивались, а тут как-то внезапно вот – раз и...

– Садитесь, – твердо повелел хозяин дома, когда они вошли в круглую комнату с высоким сводчатым потолком в центре. Мебели здесь почти не было, если не считать многочисленных чертежных столов разных форм и конфигураций, на которых всюду были разложены бумаги и чертежные приспособления.

– Садитесь же, – снова сказал он, указывая прямо на пол и все четверо гостей покорно сели на пол в центре комнаты. Сам Малафет порылся немного в своих бумагах, взял какой-то клочок и карандаш и присоединился к остальным.

– Смотри, – сказал он глядя пристально на Акею, но обращался к старому другу. – У нее все волосы рыжие. Так?

– Так, – согласился Гайи и посмотрел на прапраправнуков, словно заранее извиняясь за все, что сейчас может наговорить умный Малафет, которому, конечно, следовало сначала поговорить наедине с ним – с Гайи, прежде чем произносить что-то при детях, но который, видимо, решил осторожностью пренебречь. Никто из молодых не издавал ни звука, и только Парсан медленно и беззвучно покручивал стебель свежесорванного эпитуа, ради которого они вообще-то сюда и пришли.

– И вся рука у нее огненная уже, так? – продолжал Малафет. – А вот тут посмотри-ка – уже и половина голени слилась, и вот тут, и тут.

Малафет тыкал пальцами в разные участки тела Акеи, крепкими пальцами порой причиняя ей небольшую боль. Конечно, огненной назвать ее было нельзя – цвет на коже талиостийцев всегда проступал очень легкий. Но Малафет всегда немного преувеличивал.

– Вижу, вижу, – говорил Гайи, – все это видел я уже. Но ты думаешь, так это плохо?

Малафет впервые оторвал взгляд от девочки и посмотрел на друга так, словно тот сказал, что оборвался какой-нибудь мост или что правительница Талиостии приняла решение мосты вовсе не строить.

– Ты где-нибудь видел таких детей, мой старый друг? – спросил он после паузы удивленным полупшепотом. – Быть может, это и от мохнатки, как ты говоришь, но разве прапраправнучка твоя первая, кто держал в руках мохнатку? Да хоть бы и не мохнатку, любой цветок –

видел ли ты, хоть одно дитя в Талиюстии с синими или зелеными волосами? Со светло-русыми – да, но это все до поры. Все равно приходит час, и они темнеют. А это что?

Малафет снова стал смотреть на Акею, на лице которой уже появилось страдальческое выражение от всего услышанного, но больше – от грозного тона хозяина дома. Пришла спросить про цветок, а тут ее саму теперь пристально разглядывают.

– Так, – заключил Малафет. – Сейчас я сделаю схему и размеры запишу, а вы пойдите к Ацтарсу потом, и пусть он разбирается, он мастер.

И решительный талиюстиец, который, очевидно, был не намерен задавать вопросы и слушать, принялся пальцами измерять длину и ширину руки Акеи, некоторые рыжие пятна на ее теле и записывать это все на клочок бумаги. Видимо у Малафета, который жизни не мыслил без точных схем и замеров, в голове уже сложилось представление о том, что же такое приключилось с девочкой. Он как настоящий ученый не хотел делать поспешных заключений, но решил подготовить какую-то важную часть работы, чтобы затем передать ее в руки другого более опытного мастера.

Очень быстро основные замеры были сделаны – делал это Малафет очень ловко, двигая пальцами и фиксируя длины, ориентируясь на длину большого пальца (которые тоже у всех взрослых талиюстийцев были одинаковыми, так же как и рост). Ученый протянул бумагу Гайи и сказал:

– Идите к Ацтарсу и скажите, что я все уже замерил. Пусть он посмотрит.

Гости поднялись с пола и озадаченные пошли к выходу. И только в дверях Парсан повернулся и робко сказал:

– Вообще-то мы хотели показать вам цветок, – он протянул его Малафету. – Акея нашла вчера кусты вот таких необычных эпитупов рядом с домом, мы решили, что вы точно можете сказать – эпитуп это или нет. Но если нет, то что это тогда?

Малафет взял цветок из рук юноши и свел брови.

– Что же вы сразу не сказали? – спросил он. – Хм-м... Да, пожалуй странный экземпляр, нужно посмотреть. Где, говорите, сорвали, у дома? Что ж, я позже взгляну, а теперь я должен возвращаться к работе, она по мне уже, наверно, заскучала, а вот вечером я зайду к вам, посмотрю, где и как у вас там эти цветы растут.

Работа Малафета была не единственной, которая скучала по тому, кто ее делал. Талиюстийцы верили в то, что производимый ими труд – это очень важная вещь. Они знали, что их труд – это не только материальный результат, но и незримая энергия, которая желает существовать, которая счастлива быть, и печалится, когда вдруг приостанавливается или прекращается. Работу свою все они любили больше всего на свете, а как иначе – ведь труд любого талиюстийца был частью всеобщей величайшей цели, какой было выращивание цветочных кристаллов и строительства великого моста.

Построить мост, о котором грезил этот народ, было делом необыкновенно трудным, и все очень хорошо это понимали. Но талиюстийцы видели, какой прогресс был достигнут их предками, видели, как много важного делали они сами, любовались результатами, и просто не могли перестать верить, что однажды их усилия превозмогут бешеную мощь Талиюста, ширина которого была равна, по меньшей мере, девяноста длинам, а сила – способна унести прочь любого за несколько секунд.

6

Ни Акея, ни ее братья не могли пропустить работу на Белом Холме, поэтому визит к Ацтарсу пришлось отложить на вечер. «Не могли» здесь значит «не желали», потому что работа в Талиостии была не обязанностью, а актом желания. Каждый из талиостийцев мог прийти на рабочее место тогда, когда он сможет, и никто никогда не мог бы и подумать контролировать остальных просто потому, что желание делать свое дело было таким же естественным, как желание смеяться, уплетать вкусную еду или любить. И если кто-то по какой-то естественной причине не появлялся на рабочем месте вовремя, его просто заменяли другие, зная, что вскоре отсутствующий придет.

Вечером, когда семья Акеи снова собралась за ужином, дедушка Гайи сообщил всем об утреннем визите к Малафету, о странной обеспокоенности друга окраской их единственной девочки и о том, что сразу после трапезы они вчетвером отправятся к Ацтарсу – одному из самых уважаемых садоводов, изучающему лекарственные растения и медицину.

Напуганная Малафетом Акея весь день, пока работала, старалась обходить корзины с мохнаткой стороной. Не то, чтобы она боялась какой-то болезни, которую мог вызвать ее любимый цветок, но скорее, ей пришлось не по душе повышенное внимание к ней, поэтому теперь она вдруг расхотела рыжесть, как хотела раньше. Уж лучше быть разноцветной, как все, поняла она.

Мама была уверена – все это ерунда, и остаться рыжей Акее не грозит. Она тоже привела в пример старших сыновей, которые временами набирали то один, то другой цвет, но ничего страшного не случилось, в свое время цвет выровнялся, как надо. А вот мамына мама и сестра Аксиола были согласны с Малафетом – так быть вообще-то не должно, и лучше посоветоваться с Ацтарсом. Ведь странно же девочка выглядит? И несимпатично как-то.

И после ужина Акея с бабушкой Гайи и братьями, не дожидаясь прихода Малафета, который обещал посмотреть на кусты эпитуа, отправились к знатоку, чтобы точно разобраться, все ли в порядке с рыжей кожей и волосами.

Ацтарс жил на высоком холме, и путь к его дому пролегал через один из самых красивых и высоких мостов из переливающихся лазурно-фиолетовых кристаллов. Мост Величия называли его талиостийцы. Когда они шли по этому мосту в знойный полдень или ночью, приходилось даже зажмуриваться – такими яркими бывали переливы. Проходить по нему было огромным удовольствием, поэтому и прогулка Акеи с родными по нему теперь была приятной.

– Смотри, бабушка Гайи, – сказал Сааф, легким жестом приостанавливая сестру. – Посмотри, какая Акея красивая в этих лучах.

Все повернулись и посмотрели на девушку. Лазурные и светло-фиолетовые переливы так необыкновенно освещали ее рыжее лицо и волосы, что Акея казалась словно сотканной из волшебных лучей солнца и ярких красок Талиостии. В таком виде она вполне бы сошла за символ этого края – яркая, излучающая магический свет и гармонию природы. Она улыбнулась, и мужчины в ответ улыбнулись ей. Парсан хотел было сказать, что если у Акеи и болезнь, то она ей точно к лицу, но в эту самую секунду увидел, как одно из бежевых пятен на ее лбу вдруг тоже заполнилось оранжевым цветом прямо на глазах, и теперь совершенно точно весь лоб и вся левая половина ее лица стала рыжей.

Произошедшее увидели все, но никто не произнес ни слова, мужчины только переглянулись. Мудрый дедушка, чтобы не напугать внучку, тут же махнул рукой всем троим, призывая поспешить, потому что время было уже не раннее.

Вскоре они постучали в дверь на редкость маленького домика Ацтарса – у него не было жены и детей, он посвятил себя полностью своему труду и в городе появлялся редко. Изнутри донесся звучный голос, приглашающий войти. Гости вошли, и через несколько секунд

в маленькую переднюю комнату вышел и сам Ацтарс – длинноволосый, седой, и по обыкновению немного растрепанный.

Мужчины тепло поприветствовали друг друга, и хозяин предложил гостям тантовый лимонад из тех сочных плодов танта, что росли повсюду вокруг его дома. Потом все пятеро сели на плетеные скамьи, что стояли по кругу маленькой гостиной, и только было дедушка Гайи открыл рот, чтобы объяснить причину визита, как почтенный садовод и травник спросил его:

– Что с твоей внучкой?

Гайи развел руками:

– Затем и пришли к тебе, друг. По правде говоря, она давно немножко такая, потому что очень мохнатку любит, возится с ней больше других цветов. Мы думаем, что может, в этом нет беды, а просто не время еще взростеть, но Малафет вчера сказал, что это непорядок. Сказал идти к тебе и вот – сказал это передать.

И Гайи протянул Ацтарсу клочок бумаги, на котором Малафет вчера делал свои зарисовки и записи. Садовод взял бумагу, посмотрел немного.

– И что же? – спросил он.

– Это ты нам, пожалуйста, скажи. Отчего такой Акея стала и не опасно ли это?

Ацтарс повернулся к Акее, приблизил свое лицо к лицу девочки, медленно оглядел его, оттянул и посмотрел пару секунд на нижние веки, попросил показать зубы, что она немного неохотно сделала, и снова повернулся к Гайи.

– С чего он взял, что девочка больна? Она здорова, как и положено быть юной крепкой девчонке. Сам ведь говоришь, она мохнатку любит... ты мохнатку любишь? – уточнил он словно на всякий случай, повернувшись к девочке, и после того, как она слегка кивнула, снова обратился к Гайи. – Вот тебе и ответ. Если бы она опунтр в букеты собирала, так и фиолетовой бы была, что ж тут удивительного. Просто она ребенок ветра.

– Ребенок ветра? – переспросил Гайи.

– Ребенок ветра. Но вы в этом можете никому не объясняться, не любит наш народ такие верования. Лишь немногие прежде изучали такие способности, верили, что есть среди нас такие вот, как внучка твоя, особы, у которых другая природа – природа ветра. Это значит, что она одарена природой чуть больше, чем мы с тобой, чем другие. Это знак, что ее способности превосходят способности ее поколения. И бояться этого не надо. Она сможет делать то, что делают другие лучше, быстрее, она сможет приносить блага своей земле. Она восприимчива, она чувствует словно особым органом, какого у других нет. Но это образно, не буквально я говорю. Так что не волнуйтесь вы, и вот эти опасения Малафета бросьте. Надо же! Даже схемы мне тут понарисовал, всегда он такой был чудак.

Ацтарс засмеялся, тряс бумажкой, но быстро свой смех остановил, и неожиданно сказал:

– Не выросла она еще, кожа не окрепла. Вот будет ей хотя бы восемнадцать, тогда и сравняются цвета. Так что забудьте об этом, не пугайте девчонку.

Гайи облегченно вздохнул. Уж если и был в Талиостии кто-то, кому доверяли все без исключения жители, так это был Ацтарс, а, значит, это не просто так – за свои девяносто с лишним лет он столько возился с травами и знал обо всех хворях столько, сколько никто. Все те, кто заболел в Талиостии, приходили к нему, хоть болели и редко. Талиостийцы могли пожаловаться на боль в спине раз в десять лет. Или голова могла заболеть от солнечного перегрева, но и это случалось не часто. Бывали такие, которые не болели в жизни ни разу, а если приключалась какая-то травма – резали руку или сильно ударялись головой, то каждый взрослый знал, какие простые средства нужно применить, чтобы быстро все исправить. Особенно, что нужно полежать – всегда полежать, если что-то пошло не так. Потому что это водяная энергия Уксу, которая приходила с необузданной реки, овладевала жителями. В этой энергии была живительная сила для всех талиостийцев, и они бесконечно были благодарны за это своей реке, но избыток ее силы всегда грозил лишним возбуждением, особенно детям и старикам.

От этого возбуждения многие теряли работоспособность, путались в делах, сбивались с дороги или плохо спали по ночам.

– И на всякий случай пусть Акея полежит, – сказал вслед уходящим гостям Ацтарс, стоя на пороге, – это никогда не помешает.

7

На следующий день Акея на всякий случай полежала – вытерпела аж до обеда! А потом, получив разрешение у мамы, которая поливала цветы в саду, побежала на работу. До сих пор она не видела свое отражение, потому что в домах талиостийцев зеркала иметь было не принято. Поэтому только когда она примчалась на Белый Холм и отнесла по просьбе Исиды куда нужно корзины с цветами, а потом пошла мимо главного Зала, она заметила свое отражение в одном из зеркальных стекол.

Акея медленно подошла и встала вплотную к своему отражению – все лицо было покрыто крапинками. Такими жители Талиостии никогда не бывали – никто. У некоторых на лице были лишь легкие точки, совсем светлые, но чтобы такие выраженные – такого Акея точно еще не видела. Сначала она подумала, что запачкалась и стала оттирать крапинки с лица, но ничего не выходило. Она снова бросилась к Исиде.

– Ох, что ж такое-то, – причитала та, пытаясь оттереть пятнышки с лица девочки мыльной тряпкой. – И не знаю, что это такое. Что же ты делала, что такая стала?

– Ничего не делала, лежала до обеда, – пожимала плечами девочка.

Мимо проходил Парсан.

– Не трите, – спокойно сказал он. – Это не грязь. Это у тебя вчера появилось, когда мы по Мосту Величия проходили. Тебе сразу не сказали, ты и так напуганная была.

Акея смотрела на брата напряженно, не зная, как отнестись к этой новости.

– Да брось ты, – успокоил брат. – Ведь сказал же Ацтарс, что все пройдет. Вот и не бери в голову.

– Только мохнатку пока не трогай, – добавила Исида.

И Акея перестала прикасаться к любимому цветку. Теперь она поняла, как много времени проводила, делая из мохнатки букеты, поливая, рисуя ее, плетя венки, украшая дом или просто так разглядывая ее мелкие лепесточки. Не было почти и дня, чтобы в ее руках не оказался свежий букет из мохнатки. То, что теперь прикасаться к ней было нельзя, казалось таким нелепым – ну и что с того, что она оранжевеет? Это временно, как сказал Ацтарс. Но и в семье все настаивали, что пока трогать цветок не нужно, и Акея повиновалась.

Приходивший накануне Малафет передал бабушке Эфистре, что цветы эпитупа в кустах мохнатки его очень заинтересовали, и он сорвал несколько из них для изучения. Он так же передал, что если Акея захочет, она может прийти к нему в любой вечер, чтобы они вместе подумали о причинах таких изменений цветка.

Акее было интересно изучать новое, и необычные эпитупы тоже, но она побаивалась. Не хотелось, чтобы Малафет снова стал пристально смотреть на нее, выискивая причины для беспокойства. Еще ведь эти пятнышки на лице появились! Но дедушка Гайи не давал ей забыть о предложении Малафета. Он каждый день напоминал внучке, чтобы сходила к его другу, потому что сам в те дни чувствовал, как его одолела энергия Уксу, не дающая спать по ночам, а потому лишаящая сил в дневное время. Акея ссылалась на занятость, а сама каждый день, проходя мимо Зала кристаллизации, разглядывала свое лицо в зеркало, ожидая, когда темно-рыжие пятнышки на лице станут уходить.

Девушка все чаще ловила на себе чужие взгляды, отчего опускала голову ниже и старалась поскорее скрыться. И через неделю, когда ни одно пятнышко не пожелало исчезнуть, напротив – на теле появилось еще несколько новых рыжих очагов, Акея сказала маминой сестре, что ей, кажется, нужно отбелить кожу.

– Это поможет и это не так сложно! – сказала она тете. – Это делается с помощью сока эфирата, раньше все, у кого кожа темная, так ее отбеливали.

– Но это же больно? – воскликнула Аксиола.

– Немножко больно, говорят, это правда. Но эффективно. Ты сама говорила, что я плохо выгляжу.

– Я этого не говорила! Я только сказала, что лучше бы разобраться с твоей оранжевой кожей и волосами, вдруг это вредно.

– Это не вредно, но знаешь, как я устала от чужих взглядов? Все смотрят и смотрят. Еще эти точки появились. Ты мне поможешь?

Отбеливание, о котором говорила Акея, в Талиостии делали очень редко, и процедура это была вообще-то опасная. Потому что для нее использовали ядовитый цветок эфират, который обычно применяли в процессе кристаллизации, когда кристаллам нужен был матовый отлив. Нескольких капель сока этого цветка хватало для того, чтобы приготовить сразу несколько чанов с эликсиром. И очень редко его использовали для отбеливания кожи – некоторые очень смуглые от природы талиостийцы даже к 20 годам с трудом становились разноцветными, потому что темный оттенок их кожи поглощал все цвета и не давал возможности заиграть красками, как положено.

Процедура эта была болезненная – кожа около недели болела, а потом еще долго чесалась, пока заживала. Но эффективная, кожа становилась намного светлее. Только вот никто еще не пробовал убирать с помощью этого сока какие-то цвета, но Акея решила, что разница тут небольшая – или смуглый цвет убирать или рыжий.

– Это же так больно! – воскликнула Аксиола. – Ты уверена, что тебе это нужно? Говорят же, что все само пройдет.

– Ты не понимаешь, Аксиола! Пока это пройдет, на мне дырки от чужих взглядов появятся! А на лицо посмотри – что мне с этими пятнами делать? Ты когда-нибудь у кого-нибудь такие видела? Ни у кого из нашей семьи не было таких никогда.

– По правде говоря, хоть это и не совсем желательно – быть такой одноцветной, как ты, но что-то в тебе теперь есть необыкновенное, – сказала вдруг тетя и улыбнулась.

– Аксиола! – взмолилась Акея. – И ты туда же – меня успокаивать. Я не хочу, чтобы на меня все смотрели, я не хочу ждать еще несколько лет. И мне грустно, что я теперь любимый цветок взять в руки не могу. Ну, пожалуйста, давай не будем никому говорить и просто попробуем соком все это убрать.

– Акея! Я так не могу. Давай тогда скажем твоим родителям. Если они одобряют твою затею, тогда и попробуем.

– Мама говорит, что рыжей быть не страшно, что я для нее любая мила, так что не согласится она, скажет, это больно. А я боли не боюсь, я хочу быть как все, хочу мохнатку собирать.

– Так ты потом снова станешь такой, если будешь и дальше обниматься со своей мохнаткой, – засмеялась Аксиола, но видя страдание на лице девочки, тут же стерла улыбку с лица. – А знаешь, я придумала! Давай вот что – давай мы попробуем убрать этот цвет с пряди волос, а? И больно не будет, и увидим, что получится. А уж потом попробуем и со всех волос! А на коже, может и само сойдет, если копна твоя такой рыжей не будет, то, может, и не будешь ты так в глаза бросаться, правда же?

Акея расцвела – идея была очень хорошая. Волосы не болят, так что не страшно и попробовать. Они с Аксиолой договорились, что на следующий день пойдут к Малафету – эфират был редким цветком, и найти его можно было только у таких ученых, как дедушкин друг. А заодно можно будет расспросить его и про эпитуны с длинными стеблями.

8

Следующее утро выдалось очень холодным. Прохлада осени особенно сильно ощущалась, когда солнце еще не поднималось на небосклон. Акея плохо спала в ту ночь, и решила встать, хоть были еще предрассветные сумерки. Она выпила стакан сока и, надев теплое длинное платье, вышла в сад. Большинство цветов еще спали, их бутоны были плотно закрыты, и только мохнатка уже начала пробуждение. Ох, уж эта мохнатка! И почему Акея так любила ее с самого детства? В Талиостии росло столько роскошных цветов, самых необыкновенных форм и расцветок, а ее почему-то просто завораживал этот простой оранжевый.

Девушка не сдержалась, подошла к любимым цветам, села на корточки и стала наблюдать за тем, как они раскрываются. Теперь, когда она решила попробовать отбелиться соком эпирата, можно было позволить себе немножко нарушить правило последних дней и приблизиться к цветку. Она посидела немного, понаблюдала, полюбовалась тем, как светлеет небо и все вокруг, как медленно ослабевают туго закрученные катушки бутонов, увеличиваясь в размерах. В этой утренней тишине Акея слышала, как потрескивают бутоны истаары – самого крупного и величественного цветка их сада, который очень любит мама Зана. Истаара была роскошной, но и самой чувствительной в саду; ее скоро будут переносить в теплицу, потому что холод она не любит.

Девочка заметила, что клумбы с афетией – самым распространенным в Талиостии цветком, который был популярен и в изготовлении кристаллов, и в приготовлении пищи, очень заросли сорняком, и поднялась, чтобы прополоть их.

Но вдруг неподалеку она услышала шорох, не похожий на шорох от ветра. Словно кто-то прошмыгнул в кустах карликовых деревьев неподалеку и притих. Акея встала, посмотрела по сторонам, пошла ближе к месту, откуда доносился шум. В Талиостии, где все жили очень мирно и просто, где самым большим происшествием были потеря детской игрушки в каких-нибудь зарослях или мелкая ссора соседей, никто и ничего не боялся, ибо никаких угроз просто не существовало. Поэтому Акея смело пошла по саду, чтобы проверить, кто еще мог находиться там в этот ранний час.

Она поискала, но никого не увидела и снова пошла к цветам. Чуть позже, когда пропала афетия, Акея снова услышала шорох, и, повернувшись на звук, заметила, как чья-то бело-серая фигура – ей не хватило времени разглядеть детали, словно перелетела через дальнюю живую изгородь и скрылась за пределами сада.

Акея выбежала на улицу и понеслась быстрее туда, где только что видела тайного гостя. Она пробежала мимо нескольких домов, но нигде больше не заметила никого похожего. Девушка попыталась вспомнить, что она успела разглядеть, но в памяти была только необычно светлая голова и светлая одежда. Это было так странно, потому что талиостийцы были разноцветными, с темными волосами. Может, ей померещилось в сумерках? Что мог здесь делать кто-то из жителей, в столь ранний час? И так высоко прыгать через изгородь? А убегать зачем?

Акея решила, что это ранний подъем всему виной – наверное, ей что-то померещилось в тусклом свете прохладного утра. Она вернулась в свой сад, где еще немного пополюла сорняк, а когда стало светлее, и пришло время всем встретиться за завтраком, пошла в дом.

Больше за день ничего необычного не случилось. К четверем часам дня Акея закончила свою работу на Белом Холме, и они с Аксиолой отправились к Малафету.

Мужчина немного покачал головой – мол, ах, ну надо же какая оранжевая! Но сегодня Акея была гораздо смелее, чем в прошлую встречу, и вместо молчания, сама начала рассказывать дедушкиному другу о том, что сказал Ацтарс, а потом и о своих планах.

– Ты смелый ребенок! – воскликнул Малафет. – Сок эпирата причиняет боль, это как ожог. И ты готова пойти на это?

– Я потерплю, – ответила Акея.

– Хм, надо подумать, – сказал Малафет. – Хоть, конечно, вы правы, если сначала попробовать на волосах, то ничего.

– А может и не стоит вообще потом отбеливать кожу? – сказала Аксиола. Теперь она почувствовала тревогу и свою вину в том, что ее племянница хочет подвергнуть себя боли ради того, чтобы быть как все. – Может, отбелить волосы будет достаточно, а с кожей повременим, потом все равно природа возьмет свое?

– Я не хочу, чтобы на меня глазели, пока природа будет медлить, – возразила Акея.

– Сначала надо попробовать, а там видно будет, – решил за всех Малафет и повел гостей в свою маленькую кладовую.

У него была отличная просторная кладовая, на полках которой каких цветов только не было. Подобные сокровищницы были во многих домах талиостийцев, ведь цветами они наслаждались, их изучали, их дарили, им поклонялись, ими лечились, их употребляли в пищу и так далее, не говоря о том, что цветочный народ посвящал свою жизнь изготовлению из них кристаллов. Но не у всех были такие обширные коллекции, как у Малафета: здесь были образцы и редких цветов эскудармиса, и аппелеи, и варамфита, и опустотуса, и редкие жемчужные стебли эокса, которые в былые времена использовали в изготовлении мягких кристаллов. Препрежние поколения талиостийцев считали эокс бесполезным, потому что мягкие кристаллы не умели использовать ни для чего, кроме детских игрушек. Для маленьких талиостийцев делали из них мячи и длинные мягкие палки для мальчишек. И только тридцать лет назад ученые обнаружили необыкновенные свойства эокса – кристаллы, выращенные из этого цветка целиком со стеблями, обладали необыкновенными свойствами: они были гибкими, пластичными, но необыкновенно прочными. Оказалось, что из таких кристаллов удобно делать не только предметы мебели и домашнего обихода, но и использовать тонкие прослойки из них для крепления кристаллов в мостах, придавая им формы, какие раньше были невозможными.

Да только вот цветок перестал расти в прежних количествах. Как бы ни старались цветоводы, он очень плохо приживался в низовьях, и в искусственных условиях молодые побеги эокса умирали еще до того, как начинали жемчужеветь, бутоны и вовсе не появлялись. Тех редких цветов, что теперь росли на вершинах гор, для кристаллов не хватало, а цветок было запрещено срывать без особого разрешения. Малафет был одним из тех энтузиастов, которые пытались найти возможность размножить эокс в низовьях.

Обладатель богатой кладовой залез на небольшую лесенку, порылся на полках и достал деревянный ящичек с засушенными цветками эпирата. Все трое присели на деревянную скамью, стоявшую тут же в кладовой, и открыли ящичек. Пахнуло резким запахом, похожим на смесь угля и укуса.

– Эпират – очень сильное растение, – сказал Малафет. – Я насыплю вам одну щепотку, на ночь залейте ее бочонком воды, дайте настояться, по утрам выносите подышать на молодое солнце, а к полудню заносите опять в темное место до утра. Так три дня. А потом попробуйте прополоскать в этой воде прядь волос. Если все получится и прядь не отпадет, тогда и все волосы можно. А прежде обмажьте кожу головы опунтровым маслом, чтобы уберечь от ожога.

Он насыпал крошечную щепотку темных цветков в маленький мешочек из ткани, обернул тугим куском бумаги, прочно замотал сверток веревкой и вручил Акее.

– Спасибо вам, Малафет, – ответила девочка. – Сделаю все, как вы сказали. А еще мы хотели узнать про наши эпитупы, удалось вам понять что-то про них?

– Ах, а про это ты правильно вспомнила! – воскликнул Малафет. – Эпитупы ваши очень интересные! Идемте.

И он поднялся из-за стола, отправляясь в круглую комнату с чертежами, из нее в маленькую спальню, а из нее по лестнице на чердак, где у него была небольшая мастерская под крышей. Акея и Аксиола поспешили за ним.

Длинные эпитупы словно пробудили в Малафете новую искру, новый интерес к науке, которая мало радовала его в последнее время. Он считал, что Акея нашла очень непростые цветы.

Малафет изучил их вдоль и поперек, он сравнил их с эпитупами, найденными в самых разных уголках Талиостии, и заметил, что они эпитупы лишь отчасти. Их длинный стебель и ярко-синяя окраска заставили его пристально взглянуть на цветок овиандр, который в низинах был редкостью и рос ближе к вершинам, а также изредка вдоль реки. Он тоже имел длинный стебель, а его цветки – очень длинные тонкие и ажурные лепестки ярко-синего цвета. В Талиостии росло немало ярко-синих цветов, и, может, Малафет и не обратил бы на это внимания, но одну важную деталь он подметил почти сразу – и у эпитупов, найденных Акеей, и у овиандра были одинаковые едва заметные игольчатые чешуйки у основания цветка.

– Ты понимаешь, к чему я клоню? – спрашивал Малафет у Акеи.

Акея кивнула, хоть и не была уверена, правильно ли понимает, но похоже, что Малафет счел, что ее эпитупы были как бы немножко овиандрами. Малафет тоже кивнул – как ученый ученому. Так бывает, когда коллеги обсуждают предмет своей работы и не тратят лишних слов на объяснения, потому что всем все и так понятно. Но Акее нужно было больше информации.

– Т.е. вы хотите сказать... – неуверенно начала она через некоторое время.

– Да, именно так, именно такова моя догадка! – ответил Малафет. – Конечно, это все звучит совсем фантастично, я и сам, признаюсь, не до конца понимаю, что к чему. Но очень много, очень-очень много странных совпадений. Внешнее сходство – это еще не все! Когда я оставил два цветка без воды, я заметил, что ведут они себя одинаково: оба быстро склоняют бутон, затем одновременно лепестки становятся мягкими и сжимаются, затем одновременно и одинаково склоняются все ниже и ниже, при этом стебель в нижней части до последнего остается крепким. Понимаешь?

– Т.е. вы хотите сказать, – снова произнесла Акея, чтобы все-таки убедиться в правильности своей догадки, – что эпитупы становятся... как бы... овиандрами?

– Да нет же! – воскликнул Малафет, но при этом выглядел совершенно счастливым, будто его ученица напротив дала очень точный ответ. – Как же они могут стать овиандрами, дитя?

– Да, но почему тогда? – Акея вся превратилась в два больших уха и два глаза, чтобы не упустить ни одного слова, которые ожидала услышать из уст собеседника.

Аксиола, которая все время только слушала и ничего не говорила, тоже напряглась в ожидании.

– Потому что это один и тот же цветок! – выдал Малафет, и Акея с Аксиолой переглянулись.

– Как же один? – спросила Акея. – Они же выглядят по-разному? Обычные эпитупы, которые на коротких стеблях, они же бледно-голубые и лепестки у них не ажурные, не длинные совсем.

Малафет изменился в лице, стал серьезным, чуть откашлялся.

– А вот это надо выяснить, – сказал он. – Но, наверное, причина здесь проста: как ацеллусы, как андуваны, которые среди деревьев растут длинными, а на поле – короткими, так и эпитуп, зависит от того, тянется он к солнцу, или нет.

– Но ведь если цветок растет среди деревьев, ему мало света, и он должен быть бледным, разве нет?

– Вот! Это загадка, которую нам с тобой, Акея, и надо разгадать.

Так и получилось, что Акея в тот день превратилась в ученика Малафета. Прежде она немного побаивалась его, из-за его прямолинейных грозных речей, немного сурового темного лица, на котором беспорядочно росли клочковатая борода и тонкие усы. Но теперь Малафет больше не казался ей страшным. Его волосы на голове были темно-русыми, а вот волосы на лице были почти полностью седыми. Весь он был немного грубоватым, сутуловатым и каким-

то неидеальным, какими, чаще всего, были почтенные ученые Талиости. После находки Акеи Малафет счел, что эта девчонка тоже почти что ученый, и с ней непременно нужно делиться своими наблюдениями, поэтому с радостью сообщил девушке, что теперь она должна приходить к нему после работы на часик-другой для совместных исследований.

9

Как и сказал Малафет, Акея три дня готовила настойку эфирата. На четвертый они с Аксиолой – тайно, потому что не хотели тревожить остальных – вышли в дальний угол сада, спрятались за кустами и, присев на корточки, опустили прядь рыжих волос в настойку. Подержали несколько минут, вытащили и аккуратно, чтобы настойка не попала на руки, промокнули полотенцем. Акея подняла прядь на свет. Она все еще была рыжей, но уже не такой яркой, как прежде. А потом, спустя мгновение, вдруг начала светлеть, превращаясь в прядь русых волос, какие были у Акеи в детстве.

– Получается! – воскликнула Акея. – Получается, Аксиола!

Не теряя времени, они принялись осветлять все волосы. Сначала они аккуратно промазали кожу головы цветочным маслом, потом Акея встала на колени перед чаном, а Аксиола стала пропитывать их настойкой, стараясь не попасть на кожу лица и шеи. Акее казалось, что она слышит легкое шипение, а кожу головы, которая соприкасалась с настойкой, немного жгло, но девочка уверяла Аксиолу, что ничего не чувствует. Закончив, они плотно замотали волосы тканью, и поспешили унести настойку в дом.

– Больно? – спрашивала Аксиола.

Акея отрицательно помотала головой, но по лицу ее было видно, что все-таки больно.

– Ох, я волнуюсь, – шептала Акее тетя, когда они заперлись в банной комнате. – Давай-ка смоем поскорее водой.

Но Акея не соглашалась – не для того она терпела боль, чтобы поторопиться и все испортить. Поэтому она потерпела с полчаса, а потом, когда стало заметно, что волосы сильно осветлились, согласилась смыть настойку с головы.

Мама очень расстроилась, потому что считала идею с отбеливанием совершенно ненужным риском. Она и жалела свою девочку за то, что ей пришлось испытывать боль, и сердилась на нее. Но теперь, когда все было позади, а результат был не так уж плох, сердиться долго было уже поздно. Акея была почти такой светло-русой, как в раннем детстве.

– Ты у меня прекрасна в любом виде, – сказала мама. – Не понимаю, почему все вокруг вдруг стали говорить о твоём цвете? И сама ты, Акея, почему так серьезно относишься к этому? Ведь Ацтарс успокоил тебя. Придет время, и все наладится, разве можно подвергать себя такому риску, причинять себе боль только потому, что ты выглядишь не как все?

От маминых слов Акее стало немного стыдно. Но теперь, когда ее волосы стали русыми, она выглядела намного лучше, даже точки на лице ее уже не так смущали.

– Мама Зана, я обещаю, я не стану отбеливать тело. Видишь – все получилось, и все не так страшно.

Но следующим утром случилось непредвиденное: волосы Акеи стали еще светлее, и теперь были уже цвета соломы. К вечеру посветлели еще, потом еще, и через день стали просто белыми. Акея теперь выглядела еще более необычно, так что никто не мог отвести от нее глаз – ни на Белом Холме, ни дома. С копной белоснежных, как облака, волос и рыжим лицом девушка выглядела абсолютно иноземной.

Младшие братья дергали за волосы и хохотали, старшие смотрели спокойно, но глаза их смеялись. Но, конечно, для семьи их дитя было прекрасным даже с белыми волосами. Малафет, к которому Акея теперь ходила почти каждый день, расхохотался и сказал, что теперь она выглядит вовсе как седовласый ученый.

Так что следующим утром, собираясь на работу, Акея завязала волосы в тугий узел на затылке и надела на голову платок.

10

Как и обычно по утрам, Акея шла на работу вместе с братьями. На полпути, когда они трое шли через один из мостов на белый холм, Парсан вдруг внезапно воскликнул:

– Смотрите! – он указал в сторону реки, на огромные валуны, что лежали там тысячами. – Там кто-то был!

– Где? – спросили Сааф и Акея в голос, и остановились.

– Где-то там, за теми глыбами, кто-то прыгнул очень высоко и снова опустился.

– Тебе показалось, – заключил Сааф, но Парсан был уверен, что видел какого-то необыкновенного прыгуна-талиостийца.

– Идемте выше, оттуда посмотрим, – предложила Акея, и они продолжили путь.

– Да вон же он, вон он! – вдруг снова крикнул Парсан, и, повернувшись, его сестра и брат успели заметить крепкую мужскую фигуру вдалеке, неподалеку от того места, где Акея и ее братья часто играли в детстве. Прыгун сумел запросто оттолкнуться от земли и легко взобраться на огромный валун, по меньшей мере, в две длины в высоту, а потом так же молниеносно за ним скрылся.

– Вы это видели? – воскликнул возбужденный увиденным Парсан, по лицам Акеи и Саафа было понятно: они тоже были изумлены.

– Что это было? – спросила Акея.

– Кто это был? – одновременно спрашивал Сааф.

Обменявшись взглядами, они сбежали с моста и побежали на берег, и через несколько минут, запыхавшиеся они были на месте. Забраться на валуны было очень сложно – они горой лежали здесь повсюду, карабкаться пришлось долго. «Эй! Кто здесь?» – звали они, но никто не откликнулся. Они обошли камни с других сторон и потратили немало времени на поиски, но никого больше не увидели. Словно прыгун им померещился. Акея рассказала братьям о том, что видела похожую фигуру рядом с их домом некоторое время назад. Идей ни у кого никаких не было, они решили понаблюдать за этим местом в последующие дни и отправились на Белый Холм.

А вечером Акея снова направилась к Малафету. Она рассказала ему о том, что они с братьями видели утром, но Малафет только почесал бороду, и вернулся к своим дневникам. Все эти дни Акея помогала ему делать перепись его свежих коллекций в толстые тетради, и ученый был полностью поглощен этим процессом. «Он считает, что нам показалось», – подумала про себя Акея и взялась за тетради.

Помогая Малафету с записями, Акея заодно успевала послушать его разные теории насчет всего подряд – почти любой предмет становился объектом особых рассуждений этого ученого. Все, что он говорил, было ей интересно и немного забавно, потому что оказалось, Малафет умеет фантазировать и над своими выдумками пошутить. Но порядок он очень любил. Поэтому все те разработки, которые накопились у него за последние годы, он желал, наконец, классифицировать и записать.

– Я все думаю, думаю, ищу доказательства нашей теории, – сказал Малафет, когда Акея собирала заполненные на сегодня листки, чтобы подшить их в тетрадь.

– Какой?

– Как какой – что эпитуп и овиандр – это один цветок.

– Но что, если так? Что это изменит?

– Как что – это же важно знать! Овиандр – редкий цветок, его не используют, потому что собирать его трудно, и цветет он недолго. А эпитупы – пожалуйста, повсюду, только не очень ценятся. А ведь для кристаллов это может быть ценная замена! Быть может, кристаллы от этого не пострадают.

Тут у Малафета сделался задумчивый взгляд, потом его глаза озарились догадкой и он хлопнул себя по лбу.

– Вот же я старая рухлядь! Да что ж я сразу не догадался?! А ну идем, – и махнув Акее, он поспешил в кладовую.

Там он долго рылся на верхних полках, выискивая что-то, что никак не находилось. Малафет вспотел, у него началась отдышка, он проходил полку за полкой, доставая какие-то мешочки и ящички и задвигая их обратно.

– Но что вы ищете, скажите? – спросила не в первый раз Акея.

Малафет повернулся к ней, выдержал паузу и сказал вкрадчиво, словно это был секрет.

– Образцы чистых кристаллов.

– Зачем?

– Затем, что там у меня наверняка есть и чистый кристалл эпитупа, и чистый кристалл овиандра. И их можно сравнить.

Акея внимательно посмотрела на Малафета. Иногда он казался ей очень умным, ей нравились его принципы рассуждений, но порой он был странен: чистые кристаллы хоть давно и не изготавливались за ненадобностью, но их образцы были на Белом Холме, они хранились там также, как и все три великие книги, и уж Малафет должен был знать об этом и мог посмотреть на чистые кристаллы овиандра и эпитупа уже давно. Но говорить Акея ничего не стала, просто продолжила терпеливо ждать.

– Вот оно! Здесь! – воскликнул, наконец, Малафет и достал из дальнего закутка верхней полки большой деревянный короб. Он вынес его из кладовой, поставил на пол и открыл крышку.

Под потемневшей от старости тканью лежали рядами разные кристаллы примерно одного размера – каждый можно было хоть с трудом, но зажать в кулак. Они не были яркими, некоторые темные настолько, что казались и вовсе непрозрачными. Их было много, сотня или даже больше, и возле каждого была подпись на желтой бумаге. Малафет прошел по рядам, читая названия, нашел кристалл эпитупа, затем и овиандра и показал их Акее. Эти кристаллы были темно-синего цвета, похожие между собой. Но вниманием Акеи уже завладел другой кристалл – она безошибочно узнала его среди всех других, и хоть в ящичке были и красные, и желтые образцы, о том, что она смотрела на огненный кристалл мохнатки, она бы могла поспорить на что угодно. Он был совершенно неповторимым!

Девушка протянула руку и взяла кристалл. Как же красив он был! В нем словно был свой особенный микромир, словно сгусток энергии бушевал внутри, не имея возможности вырваться наружу.

– Ах, Акея! – воскликнул Малафет и засмеялся. – Ты и здесь нашла свою мохнатку. Ну что с тебя взять?

Акея чуть смутилась, но кристалл не вернула на место. Напротив, поднесла его ближе к лицу, пытаясь разглядеть, уловить, поймать и удержать волшебство, которое виделось ей внутри.

– Это же чудо, – сказала она. – Чудо! Разве вы не видите? В нем живет какой-то мир, и если бы только не плотные границы... Он в тысячу раз красивее, чем любой из кристаллов Талиости!

– Я впервые вижу такую любовь к чистому кристаллу, девочка, впервые. А знаешь что – забирай его себе! Пусть он радует тебя и будет памятным подарком к грядущей шестнадцатой зиме. Только не слишком-то часто держи в руках, пока не станешь разноцветной.

От счастья Акея просто не знала, что сказать. Она бросилась на шею к Малафету, крепко обняла его, потом вскочила на ноги и понеслась домой, бросив на прощание, что должна показать кристалл своим родным и что обязательно придет завтра.

– А как же эти? – спросил Малафет, глядя на два синих кристалла в руках. Но ему уже некому было ответить.

11

На следующий день Акея собиралась выполнить обещание и прийти к Малафету. Но в пути кое-что изменило ее планы. Позже это «кое-что» изменит планы всей Талиостии, но не будем забегать вперед.

Девушка шла с Белого Холма, глядя в сторону реки – туда, где она и братья видели прыгуна. Сейчас там она заметила лишь несколько талиостийцев, шедших вдоль побережья по своим делам. Никто не прыгал, никто не вызывал никаких подозрений. Было холодно, с реки словно так и тянуло запахом скорых дождей и сырости. До дома Малафета можно было пройти через набережную, и Акея решила пойти этим путем.

Она спустилась к реке. Здесь было еще холоднее, но Акее захотелось немного задержаться. Она подумала про свои волосы, которые теперь все время держала под платком. Исида сказала, что их можно покрасить в коричневый, видимо, так и придется поступить. Девушка села на небольшую корягу у реки, сняла платок и распустила тугой узел. Волосы упали белыми струями на плечи.

Акея смотрела на бурные потоки реки, из-за которых далекий Левый берег был таким недостижимым. Она вдруг подумала: а что, если там никого и ничего нет? Что, если талиостийцы ошибаются? Ведь никто еще и никогда не был виден там, на дальнем берегу, никто не подавал никаких признаков жизни. Тогда все труды напрасны? Конечно, их край прекрасен, но что если все жители перестали бы стремиться построить мост? Может, они нашли бы другие цели? Земли к востоку просторны, говорят, там ничего нет, но что если предки просто не дошли до чего-то или кого-то неизвестного?

Акея сидела так долго, но потом вспомнила, что ей давно нужно к Малафету, быстро поднялась, повернулась и ... увидела чуть поодаль парня, который все это время наблюдал за беловолосой талиостийкой. Его глаза были широко раскрыты – он был напуган. И он был так необычен, что Акея тоже опешила.

Он был тоже со светлыми, почти белыми волосами! Он был выше всех талиостийцев, быть может, на полголовы или чуть меньше. Он был тонким, но крепким, но самое главное – он не был цветным! Совсем! Нигде на нем не было ни пятнышка, его кожа была как у малолетних. Его глаза тоже были светлыми. Серая одежда плотно сидела на его тонком теле, что делало его еще более высоким в глазах Акеи. Весь он был какой-то гладкий, словно выточенный из камня или куска льда, и казался бы неживым, если бы не моргал.

– Привет, – сказала Акея.

Парень не отвечал и спустя несколько секунд Акея неожиданно для себя самой вдруг спросила:

– Ты тоже использовал эфират? Ты что – отбеленный?

Парень смотрел молча, и Акее стало неловко за то, что она так невежливо обратилась к незнакомцу.

– Извините, – поправилась она, поколебалась немного, думая, не пора ли ей идти по своим делам. Но все-таки сделала несколько шагов в сторону незнакомца и протянула руку. – Я Акея. Живу чуть выше, у моста Рассветов, я дочь Зоодра и Заны.

Она постояла с вытянутой рукой несколько секунд, потом опустила ее, потому что странный парень продолжал стоять как вкопанный. Акея смотрела не него, не в силах оторвать глаз – он был так необычен, так высок. Но странное молчание становилось неловким, и девушка все же сделала усилие над собой.

– Извините, я должна идти, – сказала она, чувствуя, что нападать с вопросами неприлично.

– Кто ты? – спросил вдруг парень, когда Акея уже сделала шаг в сторону.

– Акея. Я же сказала, – пожала она плечом. «Очень странный», подумалось ей.

– Но откуда ты? Ты ведь не отсюда, я вижу.

– Я очень даже отсюда, мой дом вон там, выше по набережной, за поворотом.

– У тебя белые волосы, – сказал незнакомец.

– Они временно белые, это от эфирата, – ответила девушка. – Они были рыжие у меня, а я хотела, чтобы стали, как у всех. А у тебя почему белые? И лицо, и руки такие светлые.

– Откуда ты, скажи правду? – сказал парень, словно упрашивал Акею в чем-то признаться.

– Да правда это, я здесь живу. А ты откуда?

– Меня зовут Алатой. Я видел тебя несколько раз, ты одна здесь такая, я думал, ты с Левого берега.

– С Левого берега? – усмехнулась Акея. – Что за глупость? Никто с Левого берега не может попасть сюда.

Алатой молчал, наблюдая за Акеей. И девушка вдруг перестала смеяться, застыв в изумлении от своей догадки.

– Это правда? Ты с Левого берега?! – воскликнула она.

– Да.

Часть вторая Алатой

1

Они присели на маленькую деревянную скамью в тихом месте, за камнями, в небольшом углублении огромного валуна, похожем на грот. Акея в детстве не раз играла в этом потайном уголке, когда нужно было укрыться от чужого внимания. И теперь она привела сюда Алатоя, потому что он попросил найти место, где их никто не увидит.

– Сколько тебе лет? – спросила Акея.

– Девятнадцать.

– Почему ты такой высокий?

– Ты еще не видела моих братьев и отца, – засмеялся юноша.

– А где они? Как вы смогли попасть сюда? Вы сумели построить мост? Где он?

– Мы не строили мост. Мы... приплыли сюда.

– Через Талиост?!

– Да.

– Но как? – Акея повернулась к реке, словно оценивая снова, как можно переплыть эту невероятную реку.

– Это было непросто, но мы все рассчитали, и у нас получилось.

Акея была поражена. В то время как жители Правого берега тратили столетия на инженерные поиски, превращая свою землю в страну мостов, жители Левого берега, оказывается, не меньше хотели попасть на Правый берег, и вот – у них получилось безо всяких кристаллов.

– Но как? Как это у вас получилось? Она же... – Акея снова повернулась в сторону реки, не находя слов, чтобы описать, какой невозможной казалась ей мысль, что можно переплыть эту бешеную, эту могущественную, бесконечно широкую реку.

– Хм... конечно, многие из тууксов погибли, прежде чем нам удалось сделать это. Это не было просто.

– Кто это – тууксы?

– Мы, наш народ, кто живет на Левом берегу.

Акея понимающе кивнула, хотя это было очень неожиданно – там, по другую сторону реки живет народ, который иначе выглядит и имеет другое название – тууксы, а не талиостийцы.

– И вы не разноцветные? – спросила она.

– Нет, мы не такие как вы, – ответил Алатой, улыбаясь. – Скажи, вы делаете это специально?

– Что?

– Вы намеренно раскрашиваетесь, чтобы быть такими?

– Мы не раскрашиваемся, – ответила Акея, и тоже улыбнулась наивности собеседника. – Мы народ цветов и цветочных кристаллов. Они сами красят нас в свои цвета, и по-другому не бывает. А у вас что же – нет цветов?

– Нет, – просто ответил Алатой.

– Как нет? Совсем нет цветов?

– Лишь немного. Мы иногда украшаем ими дома, девушки заплетают их в волосы и пришивают к одежде, но никто не становится от этого разноцветным.

– Поразительно, – медленно сказала Акея, пристально разглядывая лицо Алатоя. Его кожа была очень светлой, нежной, а на скулах будто немного даже голубоватой. Засмотревшись, Акея протянула руку и коснулась кончиками пальцев его лица. Алатой отпрянул немного, словно испугался, и Акея отдернула руку. – Извини, я просто... Извини.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.